

Антиэкстремистский дискурс — взбесившийся либерализм?

© Фишман Л. Г.

© Fishman L.

Антиэкстремистский дискурс – взбесившийся либерализм?

An anti-extremism discourse – the enraged liberalism?

Аннотация. Обосновывается точка зрения, согласно которой антиэкстремистский дискурс является прямым результатом последовательного развертывания либерального дискурса. Либеральный дискурс предрасположен рассматривать себя как «норму», а всех своих оппонентов и врагов — как «крайности». В отсутствие сильных оппонентов, как это произошло в России с начала 2000-х гг., такой подход породил антиэкстремистский дискурс. В дальнейшем, по мере изменения представлений о «норме», в рамках данного дискурса и сам либерализм начал восприниматься как «экстремистская идеология».

Annotation. The point of view according to which the anti-extremism discourse is a direct consequence of consecutive expansion of a liberal discourse locates in article. The liberal discourse is predisposed to consider itself as “norm”, and all the opponents and enemies as “extremes”. In the absence of strong opponents as it has occurred in Russia since the beginning of the 2000th, this predisposition has generated an anti-extremism discourse. Further, in process of changes of ideas of “norm”, within this discourse liberalism has begun to be perceived as “extremist ideology”.

Ключевые слова. Либерализм, экстремизм, традиция, национальная идеология, норма, крайности, антиэкстремистский дискурс.

Key words. Liberalism, extremism, tradition, national ideology, norm, extremes, anti-extremism discourse.

Антиэкстремистский дискурс и соответствующие ему правоприменительная практика и законодательные инициативы уже давно находятся в центре внимания политологов и общественности. С каждым новым законодательным актом или депутатской инициативой, посвященным борьбе с экстремизмом, интерес к проблеме вспыхивает с новой силой.

Нередки сетования на то, что понятие экстремизма расплывчато. Экстремизмом называют все что угодно, часто — радикализм, ищут «экстремистские идеологии» и т. д. Многие протестуют против этой расплывчатости — вплоть до отрицания необходимости самого понятия экстремизма и необходимости антиэкстремистского законо-

ФИШМАН Леонид Гершевич — ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург), профессор РАН, доктор политических наук.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 15-33-11231 «Идеологические регуляторы в обеспечении общественного согласия и национальной безопасности в Российской Федерации: возможности и риски» на 2015—2016 гг.).

дательства. Почему же оно появилось сейчас — и преимущественно в России?

Обычный ответ на этот вопрос заключается в том, что власть желает иметь универсальный инструмент для подавления оппозиционной активности. Например, отвечая на вопрос «Какая именно политико-идеологическая потребность властной элиты России нашла свое выражение в понятии экстремизма и настойчиво воспроизводит его, наделяя все новыми и новыми смысловыми оттенками?», Г. Касьянов утверждает: «Такой идеолого-политической потребностью выступает стремление власть имущих найти хоть сколько-нибудь убедительное оправдание для формально законной расправы над своими политическими оппонентами. Стигматизация противников в качестве “экстремистов” нужна правящим кругам., чтобы развязать себе руки в борьбе с ними, во имя сохранения своего ультимативно господствующего положения» [5].

Ответы такого рода представляются правомерными, но остается неясным, почему данный универсальный инструмент выковывается в кузнице именно антиэкстремистского дискурса. Почему в начале XXI в. именно понятие экстремизма оказалось «хоть сколько-нибудь убедительным оправданием», а не какое-то иное? В конце концов вплоть до конца XX в. ни в России, ни где-либо еще власть не нуждалась в расплывчатом понятии экстремизма, чтобы обличать и преследовать своих оппонентов. Только в конце прошлого века понятие экстремизма стало набирать популярность, появилось в политической публицистике, а в России — и в законодательстве. С этих пор антиэкстремистский дискурс российской власти его критики воспринимают как нечто, имеющее сугубо российские же корни. Считается, что антиэкстремистский дискурс — свидетельство устремленной в сторону «тоталитаризма» эволюции российского политического «режима». «Чем более тоталитарной будет становиться политическая система России, тем большее место в ней будет занимать институциональная борьба с “экстремизмом”. Для движения в сторону... демократизации всю эту кампанию имело бы смысл свернуть, начав с демонтажа всей созданной за последние десять лет законодательной базы, формально направленной на борьбу с “экстремизмом”, а по сути нацеленной на защиту власти от общества» [16].

В этой статье мы хотели бы поставить под сомнение некоторые аспекты данной точки зрения. Антиэкстремистский дискурс российской власти обусловлен отнюдь не только авторитарной и антилиберальной спецификой российской политической культуры и «тоталитарной» эволюцией российского политического «режима». Как ни парадоксально, причиной его бурного расцвета во многом является вхождение России в «геокультуру либерализма».

Существенной чертой политической культуры либерализма является противоречие между представлением о неизбежности прогресса и различными мнениями по поводу его желательных темпов. Прогресс — норма, но те, кто желает его чрезмерно замедлить или ускорить, представляют собой «крайности». «Либерализм всегда ставил себя в центр

политической арены, заявляя о своей универсальности» [3. С. 78]. Когда приверженцы крайностей одерживают верх, ничего хорошего выйти не может, потому что крайности эти противоречат человеческой природе и законам развития общества. Поэтому либерализм обречен постоянно бороться с крайностями, идя по узкой дорожке между требованием свободы и необходимостью ограничения свободы тех, кто на свободу посягает.

Дж. П. Бюргесс причину связи либерального дискурса и экстремизма усматривает в противоречии между требованием толерантности, которая подразумевает право иметь какие угодно, даже самые радикальные мнения, и реальными ограничениями, которые не позволяют эти мнения воплощать в действия [17]. Определенные мнения приходится считать на практике (которая различается от страны к стране, от культуры к культуре, от ситуации к ситуации) «менее равными» и дискриминировать. Это не значит, что либерализм в буквальном смысле порождает экстремизм. Но из указанного его внутреннего противоречия вытекает дискурс, в рамках которого некоторые мнения будут с необходимостью рассматриваться как возможные «в теории», но неприемлемые на практике и потому дискриминируемые — словом, «экстремистские».

В основе либерализма находится исключительно важное представление об универсальной нормативности исповедуемых в его рамках представлений о прогрессе, о наиболее оптимальных отношениях между обществом и государством, человеком и государством, человеком и обществом и т. д. Все остальное — сомнительные и нередко опасные крайности.

Иными словами, в основе либерализма находится исключительно важное представление об универсальной нормативности исповедуемых в его рамках представлений о прогрессе, о наиболее оптимальных отношениях между обществом и государством, человеком и государством, человеком и обществом и т. д. Все остальное — сомнительные и нередко опасные крайности. Таким образом, в рамках либерального дискурса изначально существует предпосылка для квалификации своих оппонентов как более или менее опасных «экстремистов». Но эта предпосылка не реализуется, пока оппоненты либерализма достаточно сильны и воспринимаются как в принципе равноправные.

Поэтому, когда на глобальном политическом поле наблюдалось большее идеологическое разнообразие и разнообразие политических режимов, понятие экстремизма было не актуально. Коммунисты, фашисты, религиозные фундаменталисты — все они не нуждались в понятии экстремизма, чтобы преследовать своих врагов. Враги всегда были конкретны — ими оказывались приверженцы альтернативных идеологий, хотя бы и той же либеральной. С другой стороны, и либеральные политические режимы не называли своих противников безликими экстремистами с «экстремистскими идеологиями». В «эпоху крайностей» [15], по выражению Э. Хобсбаума, крайности осмысливались, так сказать, в «техническом» ключе, когда недопустимыми и ненормальными считались не сами идеи, а действия — преимущественно насильственные с целью свержения государственного строя и подрыва общественного порядка.

Такой «технический» дискурс был плодом компромисса между имманентным стремлением либерализма представить своих оппонентов в качестве приверженцев «ненормальных крайностей» и реальной силой этих оппонентов, которые обычно и воплощали на практике те требования либеральных программ, на реализацию которых у самих либералов не хватало смелости. (Там же, где либерализм изначально был господствующей идеологией без сильных оппонентов, как в США, — более всего проявилось отношение к либерализму как к норме, по сравнению с которой все остальное — с трудом терпимые, но явно ненормальные крайности. Это сказалось в первую очередь на отношении к социализму и коммунизму: даже и сейчас Б. Сандерса политические оппоненты обличают в социализме и коммунизме с целью дискредитации.)

Данный компромисс был нарушен в глобальном масштабе с крушением СССР и дискредитацией социализма. Таким образом, либерализм одержал глобальную идеологическую победу. Но в странах Запада расцвету антиэкстремистского дискурса препятствовала как инерция прежнего «технического» компромисса между либерализмом и его оппонентами, так и уже достаточно давнее исчезновение самого этого либерализма в «чистом виде».

В России ситуация была иной. Россия оказалась идеальным полем идеологического и институционального эксперимента, главным условием которого была практически полная победа либерализма при отсутствии у него влиятельных оппонентов, которые смогли бы оформиться как значимые политические силы и с которыми поэтому надо было заключать компромиссы. Доминирующей риторикой тех времен стала риторика возвращения к «норме», к цивилизационному мейнстриму — либеральному и капиталистическому.

Противники либерализма с самого начала оказались в крайне невыгодном положении. Они не могли предложить по большому счету ничего нового, кроме реставрации советского порядка (который почти никто не ринулся защищать в момент его крушения) или чего-то, на-

поминающего социал-демократическую версию капитализма с «человеческим лицом». Тем не менее они достаточно упорно сопротивлялись в течение нескольких лет после распада СССР. Однако к концу XX в. либерализм, по крайней мере формально, в России победил. Он победил и в том смысле, что оказался заложен в основу Конституции, и в том, что вытеснил с легального политического поля всех своих оппонентов или полностью их интегрировал. Интегрированность в «систему» тех же коммунистов — равно как и других немногочисленных оппозиционеров — давно секретом не является. Даже называя себя не либералами, а кем-то другим, они все приняли базовые либеральные ценности, не пытаясь выдвинуть им альтернативы. Пока в первой половине 1990-х такого консенсуса не сложилось, либерализм еще имел врагов и оппонентов. И что показательно: когда оппоненты и враги еще не сошли со сцены или не приняли навязанные правила игры, не обнаруживалось феномена экстремизма и не было антиэкстремистского законодательства. Экстремизм и все связанные с ним законодательные инициативы, равно как и их теоретическое обоснование, расцвели пышным цветом именно тогда, когда либеральное отношение к оппонировавшим идеологиям и их приверженцам осталось в качестве единственной, ничем не ограничиваемой нормы.

Сказанное может показаться весьма спорным и натянутым. На первый взгляд, оно противоречит очевидности, которая, особенно с сегодняшней точки зрения, говорит нам, что антиэкстремистское законодательство является прямым попранием либеральных норм нашей Конституции. Тем не менее, либеральные корни дискурса об экстремизме легко вычленишь, анализируя высказывания авторов, теоретически разрабатывавших проблему экстремизма. Эти корни вычлениются методом исключения того, что в длинных списках проявлений экстремизма отсутствует.

Так, например, К. В. Асташонок, иллюстрируя историческими примерами свои тезисы об экстремизме, к экстремистам относит народовольцев, социалистов и прочих революционеров, квалифицирует большевистский режим как экстремистский. К «исторически обусловленным экстремистским факторам» он относит приверженность монархической идее, веру во всемогущество элит, в «сильную руку», антизападничество и антисемитизм и, конечно, «исконное недоверие в России к демократии» [1. С. 541].

А. Ю. Пиджаков, описывая политический экстремизм, утверждает, что он «направлен на уничтожение существующих государственных структур и установление диктатуры тоталитарного “порядка” “левого” или “правого” толка. Политический экстремизм — это в целом антиконституционная деятельность. Он опасен в первую очередь для самой государственности» [12. С. 103].

Н. В. Голубых и М. П. Леготин описывают экстремизм как «многоаспектное противоправное общественно опасное явление, носящее асоциальный характер, охватывающее все сферы общественной

жизни, имеющее целью подрыв государственных и общественных устоев посредством крайних насильственных методов, выраженное в непринятии иных суждений, безапелляционности и категоричности, а равно в силовом навязывании собственных догм обществу и государству» [4].

Л. М. Пронский и Р. А. Шаряпов к числу экстремистских идеологий относят марксизм, фашизм и национал-социализм. Наиболее общественно опасными они считают такие формы экстремизма, «которые отрицают за одной из сторон объективного социального противоречия и социального конфликта равное право на существование, объявляя сосуществование сторон конфликта в той или иной форме невозможным и призывая к моральному, правовому или даже физическому насилию над своим противником, его имуществом, ценностями, святынями и т. д.» [13].

Примеры подобного рода рассуждений можно было бы множить и далее¹. В них мы практически всегда обнаружим, что экстремистскими считаются коммунизм, фашизм, вообще всякого рода политический и религиозный радикализм, характерной чертой которых объявляются склонность к насилию, к отрицанию плюрализма мнений, свободы и демократии. Тут можно вспомнить, что, когда антиэкстремистский дискурс начинал разворачиваться в современной России, а пакет антиэкстремистских законов еще был достаточно скромным, некоторые либеральные правозащитники в принципе не имели ничего против этого. Они хотели лишь достигнуть более четкого определения экстремизма, сведя его в первую очередь к радикальному национализму и фашизму. Так, директор Московского бюро по правам человека А. Брод не считал появление «черного списка» экстремистской литературы цензурой. По его словам, у правозащитников был свой «черный список», который они намеревались отправить в Росрегистрацию и органы прокуратуры, «чтобы они увидели “истинное лицо” радикально-националистической литературы» [2].

В конечном счете нетрудно обнаружить, что в подобных приведенных выше перечнях уличенных в экстремизме идеологий нет только одной — либерально-демократической. Напротив, это по отношению к ней практически все прочие идеологии объявляются в той или иной мере экстремистскими. Это либерализм является нормой, а все прочие — отклонениями от нее. Хотя сами авторы законов и публикаций могут считать себя не либералами, а государственниками и патриотами, в приведенных примерах именно либеральный политический режим скрывается под маской абстрактной «государственности», «существующих государственных структур», «общественных устоев» и т. д.

¹ Мы намеренно брали авторов практически наугад, дабы показать, что сформулированные выше подходы чрезвычайно распространены среди придерживающихся парадигмы антиэкстремистского дискурса.

Нынешняя ситуация, сложившаяся вокруг антиэкстремистского законодательства, антиэкстремистских инициатив и антиэкстремистского дискурса, парадоксальна. Действительно, нынешний политический «режим» уже не выглядит либеральным — или выглядит далеко уже не таким либеральным, как двадцать или даже десять лет тому назад. Накопившиеся дисфункции, как замечает А. Н. Медушевский, создали нешуточную угрозу «появления “параллельной конституции” — постепенной подмены смысла соответствующих конституционных норм — идеологического многообразия, светского государства, многопартийности, оппозиционной деятельности» [9. С. 39]. В свете этих дисфункций изначально либеральный дискурс был быстро истолкован как своего рода дискурс расплывчатой «нормальности». Сдвиг же общественных симпатий в сторону антизападничества, «традиционных ценностей», более высокой оценки достижений советского прошлого и т. д. поколебал базовые либеральные представления о «норме».

Однако само представление о норме, по отношению к которой почти все прочее выглядит «экстремизмом», осталось. Либеральная парадигма антиэкстремистского дискурса и в новых условиях пришлось, что называется, ко двору. Таким образом, в рамках либерального антиэкстремистского дискурса, *позиционирующего себя как дискурс единственно «нормальных» отношений между государством и обществом*, оказалось довольно легко подменять одни нормы другими.

Однако мы должны отметить, что и здесь ситуация развивалась по вполне либерально-модерновой логике. Практическое воплощение либерального идеала свободы и равноправия всегда и везде наталкивалось на ограничения, создаваемые «традицией» и интересами правящих классов. Кроме того, в эпоху модерна, который нуждался в авторитете традиции, последняя стала в значительной мере «изобретенной» [14. С. 47–62], сконструированной. Процесс этого целенаправленного конструирования занимал не слишком долгое время и при желании мог быть замечен невооруженным глазом.

Изобретением подобной «буржуазной» традиции занимается и российский политический «режим». Это проявляется, в частности, в периодических попытках создания «национальной идеологии». Специфика российской ситуации заключается в том, что процесс «конструирования традиции» протекает чрезвычайно быстро, отчего его искусственность бросается в глаза. Одним из инструментов такого конструирования и является антиэкстремистский дискурс. Дефицит «традиции», которая на Западе складывалась десятилетиями, восполняется попытками законодательно закрепить необходимые либерализму ограничения, при том что ясности насчет содержания последних еще не достигнуто. Патриотизм, традиционализм, православные ценности и т. д. могут быть по-разному истолкованы в зависимости от текущего политического момента.

Так или иначе, неустойчивость норм и лабильность конструируемых ad hoc идеологием привели, в частности, к тому, что экстремисты

стали множиться — к традиционным врагам либерализма (точнее, уже не собственно либерализма, а новой расплывчатой «нормы») стали добавляться новые. Среди них оказался и сам либерализм, что повлекло за собой появление термина «либеральный экстремизм». Так, в конце 2014 г. группа деятелей из областей политики и культуры обратилась к Президенту Российской Федерации с петицией за признание либерализма экстремизмом. «Владимир Владимирович, — писали они, — пока не поздно, мы просим — умоляем, требуем — запретить в России либерализм. Приравнять эту преступную, людоедскую идеологию к фашизму» [11].

Заметим, что, хотя стремление представить сам либерализм экстремистской идеологией выглядит спорным, интуиция авторов относительно прямой связи либерализма и антиэкстремистского дискурса имеет под собой основания. Петицию можно рассматривать как своего рода бессознательную «месть» либерализму за тот идеологический «софт», по велению которого до сих пор работает «взбесившийся принтер».

Показательно, что существуют и теоретические обоснования такой инициативы. Например, А. В. Перепелицын, выделяя феномен «либерального экстремизма», характеризует его «как деятельность, результатом которой является изменение сложившихся социально-культурных и политических устоев общества посредством предоставления широкого круга свобод, использование которых приводит к крайним формам противостояния культурных, экономических, социальных, политических и других систем как на внутригосударственном, так и межгосударственном уровнях» [10].

М. П. Клеймёнов утверждает, что «за время своего теоретического развития от Дж. Локка и Ш. Монтескье до У. Бека и Ф. Фукуямы либерализм превратился в криминогенную воинствующую идеологию» [7. С. 212].

И. М. Клеймёнов идет еще дальше, прямо обосновывая, что либерализм и есть самый настоящий экстремизм. Его нравственная парадигма отрицает Истину, его воинствующий атеизм ведет к тоталитаризму; провозглашая толерантность, либерализм демонстрирует крайнюю нетерпимость к своим оппонентам и т. д. «Экстремистский потенциал либерализма, — пишет Клеймёнов, — заключается в его нетерпимости к традиционализму». Осмысленный таким образом либерализм, согласно автору, идеально подпадает под определение экстремизма, данное в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [6].

Заключая, мы можем констатировать, что современный российский антиэкстремистский дискурс — это, по аналогии со «взбесившимся принтером», взбесившийся либерализм.

Сегодня нередко звучат призывы зафиксировать идеологическое содержание российского политического «режима», отразив в Конституции РФ «национальную идею». Эти призывы многими воспринимаются негативно, поскольку обычно звучат отнюдь не из уст либералов (для последних в Конституции и так уже есть правильное

идеологическое содержание, которому власти, увы, не следуют). Но если бы в качестве парадоксальной меры в нашей парадоксальной ситуации тот же либерализм был закреплен открыто именно в качестве конкретной государственной идеологии (а не абстрактной нормы, по сравнению с которой все прочее — «крайности»), имеющей конкретных же врагов, то эта не слишком либеральная мера создала бы предпосылку для отказа от антиэкстремистского дискурса, который подрывает либеральные основы российского конституционного строя.

Тем не менее, никакая конституционная реформа, никакая механическая отмена корпуса антиэкстремистских законов сами по себе не остановят «взбесившийся принтер». К этому приведет только идеологическое и организационное оформление политических сил, являющихся оппонентами и даже прямыми врагами либерализма. Сегодня мы видим, как либерализм вначале оказался без врагов, затем усомнился в своих базовых нормах, но сохранил убеждение в своей универсальной нормативности и начал пожирать сам себя, «умножая зло добром» [8. С. 83—96]. Бездумно плодя все новых и новых «экстремистов», взбесившийся либерализм сам создает себе тех врагов, которые заставят его соблюдать собственные же принципы.

Литература

1. **Асташонок К. В.** Феномен экстремизма. Возникновение и развитие // Мир науки, культуры, образования. 2013. Вып. № 6 (43).
2. В России впервые опубликован «черный список» экстремистской литературы. — <http://www.arpru/publications/article17423.htm> (дата обращения: 01.05.2016).
3. **Валлерстайн И.** После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003.
4. **Голубых Н. В., Леготин М. П.** О сущности понятия «экстремизм». — <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=4434> (дата обращения: 01.05.2016).
5. **Касьянов Г.** К деконструкции антиэкстремистского дискурса. — http://anticapitalist.ru/teoriya/stati/k_dekonstrukczii_antiekstremistskogo_diskursa.html (дата обращения: 01.05.2016).
6. **Клеймёнов И. М.** Либерализм и экстремизм. — <http://elib.omsu.ru/file.php?id=1333425566904398> (дата обращения: 01.05.2016).
7. **Клеймёнов М. П.** Криминогенность либерализма // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 4(25).
8. **Мартьянов В. С.** Умножение зла добром // Свободная Мысль. 2008. № 5.
9. **Медушевский А. Н.** Конституция России: в какой мере либеральные принципы получили реализацию? // Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской конституции: сборник научных статей. Орел, 2013.
10. **Перепелицын А. В.** Либеральный экстремизм как форма политического экстремизма. — http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=4452%3A2015-09-03-04-27-04&catid=106%3A2010-09-23-10-28-46&Itemid=150 (дата обращения: 01.05.2016).
11. Петиция за признание либерализма экстремизмом. — <http://ru-polit.livejournal.com/2994172.html> (дата обращения: 01.05.2016).

12. **Пиджаков А. Ю.** Политический экстремизм и молодежь // Современный экстремизм: характеристика и противодействие : сборник материалов научно-практических конференций (Омск, 11 декабря 2008 г.; 17 декабря 2009 г.) / отв. ред. М. П. Клейменов, М. С. Фокин. Омск : Издательство Омского государственного университета, 2009.

13. **Пронский Л. М., Шаряпов Р. А.** Понятие и определение экстремизма с государственно-политической точки зрения. — <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/ponyatie-i-sushhnost-ekstremizma/item/470-ponyatie-i-opredelenie-ekstremizma> (дата обращения: 01.05.2016).

14. **Хобсбаум Э.** Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. Вып. № 1.

15. **Хобсбаум Э.** Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век, 1914—1991, М. : Издательство Независимая газета, 2004.

16. **Эпштейн А. Д.** Этапы формирования антиэкстремистского законодательства в Российской Федерации. — <http://www.intelros.ru/readroom/nevolia/28-2012/14105-etapy-formirovaniya-antiekstremistskogo-zakonodatelstva-v-rossiyskoy-federacii.html> (дата обращения: 01.05.2016).

17. **Burgess J. P.** Liberalism and extremism. Societal preparedness against extreme individuals. — <http://jpeterburgess.com/wp-content/uploads/2011/12/Burgess-2011-Extermism-and-liberalism.pdf> (дата обращения: 01.05.2016). ◆